

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О НАШЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

© 2022 г. С. С. Алексеев

Аннотация. В статье анализируется состояние советской юридической науки. Раскрываются черты правоповедения, влияющие на состояние и перспективы развития правовой мысли. Приводится научно-практическое обоснование потребности глубокого пересмотра сложившейся системы представлений о праве, выработки таких научных положений, в соответствии с которыми было бы осуществлено коренное преобразование всей правовой системы. Исследуются направления обогащения содержания правовой науки. Предлагается развитие отечественной правовой науки на основе отработанных общетеоретических концепций аналитической юриспруденции, философии права и правовой социологии, инструментальной и поведенческо-психологической теорий.

Ключевые слова: советская юридическая наука, правовая реформа, негативные черты, право, правовая система, аналитическая юриспруденция, философия права, правовая социология, правовое государство.

Цитирование: Алексеев С. С. Несколько мыслей о нашей юридической науке // Государство и право. 2022. № 2. С. 175–179.

DOI: 10.31857/S102694520018862-9

A FEW THOUGHTS ABOUT OUR LEGAL SCIENCE²

© 2022 S. S. Alekseev

Abstract. The article analyzes the state of Soviet legal science. The features of jurisprudence affecting the state and prospects of the development of legal thought are revealed. The scientific and practical justification of the need for a deep revision of the existing system of ideas about law, the development of such scientific provisions, according to which a radical transformation of the entire legal system would be carried out, is given. The directions of enriching the content of legal science are investigated. The development of domestic legal science is proposed on the basis of well-developed general theoretical concepts of analytical jurisprudence, Philosophy of Law and legal sociology, instrumental and behavioral-psychological theories.

Key words: Soviet legal science, legal reform, negative features, law, legal system, analytical jurisprudence, Philosophy of Law, legal sociology, legal state.

For citation: Alekseev, S.S. (2022). A few thoughts about our legal science // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 175–179.

¹ Статья была напечатана в журнале «Советское государство и право». 1989. № 5. С. 76–79. Аннотация и ключевые слова составлены кандидатом юридических наук И. И. Бутримом.

² The article was published in the journal “Soviet State and Law” (1989), No. 5, pp. 76–79. Abstract and key words are compiled by PhD in Law I.I. Butrim.

Столь многое и столь важное в начавшемся революционном обновлении нашего общества замыкается на законе, праве, правосудии, что мы, советские правоведы, уже не можем оттягивать предельно откровенный и честный разговор о действительном состоянии юридической науки. И о том, что надо сделать, чтобы эта наука стала надежной и конструктивной теоретической базой радикальной правовой реформы, создания действительно правового государства, заняла достойное место в обществе.

Прежде всего — правда. Правда о том, какво сейчас советское правоведение с точки зрения уровня мировой и отечественной науки и тех требований, которые предъявляет ему нынешнее время. Замечу сразу, что последующие негативные характеристики и оценки без каких-либо оговорок относятся и к тому, что было написано ранее автором этих строк. Правда для всех должна быть одной.

Рискну сказать, что с позиций указанных выше критериев современная юридическая наука находится на периферии передовых научных знаний, по ряду сторон имеет черты консервативной науки и, пожалуй, напоминает некоего самодовольного и бойкого научного середнячка, хозяйство которого, несмотря на показную респектабельность, находится, увы, в весьма запущенном состоянии (как, впрочем, и другие общественные науки — история, политэкономия социализма, философия).

Какие же черты правоведения в наибольшей степени могут быть отнесены к числу консервативных, отрицательно влияющих на состояние и перспективы развития правовой мысли? Таких черт, думается, несколько. Первая — утрата правоведением по многим своим характеристикам статуса подлинной науки — служительницы истины и прогресса, превращение в наукообразную сферу практической политики и идеологии, которые подчас зависят от изменчивых установок и формулировок отдельных руководящих работников, цитат и лозунгов конкретного момента. Отсюда — создание целой системы канонизированных и вместе с тем внезапно меняющихся мифов, идеологием, в рамках которых происходит нескончаемый кругооборот закостенелых обсуждений и дискуссий. Например, сколько этапов — два или три — проходят в своем развитии государство и право; что такое «цельное», «законченное» в учении о государстве; количество функций государства; элементов правовой основы и т.д., и т.п. Подобного рода «проблемы» в ряде случаев надолго определяют перспективу развития науки. Так случилось в 20–30-х годах, когда разработка правовых вопросов шла под углом зрения

скорого и желательного «отмирания» права. Со всем недавно усилия правоведов были сосредоточены на истолковании положения о «праве развитого социализма». Кстати, не может ли получиться и нынче, что в силу набранной инерции наша наука не пойдет дальше бурного обсуждения вопросов о «перестройке в праве».

Другая негативная черта — общая (во всяком случае до последнего времени) апологетическая направленность при рассмотрении государственно-правовой действительности советского общества. Да, нам есть чем гордиться — ленинскими началами правовой системы, разработанностью ряда отраслей законодательства, социально-правовой защищенностью личности. Но если вся наука настроена лишь на то, чтобы во всем и всюду демонстрировать одни преимущества действующей правовой системы, восторгаться сегодняшними реалиями, она теряет свою критическую конструктивную целеустремленность, следовательно, то главное, что определяет ее реальное служение обществу. Впрочем, в самое последнее время крайность — отрицательное отношение к политико-правовой действительности, безоговорочный критицизм к действующим политико-правовым институтам.

В качестве как будто бы частной, а на самом деле наиболее негативной черты юридической науки следует назвать то обстоятельство, что она в значительной мере оказалась в зоне разлагающего влияния административно-командной системы, прониклась ее духом, стала так или иначе ее обслуживать. Грубый произвол и попрание законности в годы сталинизма серьезно отразились на нашей науке, на ряде научных построений того времени (смещение акцентов в общем понятии права, подгонка явлений под сталинские цитаты, трактовка соучастия, игнорирование презумпции невиновности). Бюрократическая же административно-командная система как бы подхватила эту «эстафету», довольно основательно подчинив своему влиянию и своим интересам, по существу, все отрасли правоведения. Превратились преимущественно в декларативно-описательные общетеоретические дисциплины науки государственного, уголовного, трудового права и др. Произошло необоснованное снижение престижа и статуса гражданского права — антипода административно-командного регулирования и носителя важнейших элементов правовой культуры. Разбухшие в объеме науки административно-правового цикла во многом утратили правовое содержание, а главная их направленность была сведена к оправданию императивности и безусловной обязательности административных порядков и опций. Наконец, во всех отраслях науки произошло непомерное возвеличивание властных административных

актов, которые нередко объявлялись сплошь и нормативно-правовыми.

Еще одна черта нашей науки, быть может, с негативной стороны самая общая, — превалирование во многих исследованиях чистых абстракций, общих рассуждений, подчас догматических упражнений. Слов нет, настоящая наука невозможна без теории. Освоение реальной действительности путем абстракций — магистральный путь развития пауки. Но это не должно превращаться в игру понятиями. К тому же если в каждой мировоззренчески определенной системе правовых знаний оправданно существование философии права, разрабатывающей методологию науки и утверждающей ее основные принципы и ценности, то вряд ли обоснованно превращение каждой из юридических наук в своего рода «отраслевую философию». Между тем стало чуть ли не верхом престижности в каждой дисциплине вести в качестве первоочередных общие исследования, направленные на обоснование полной самостоятельности и непременно особого отраслевого статуса данной группы норм, специфической их структуры, своеобразия метода регулирования, соотношения формы и содержания и т.д. Случайна ли такая философическая ориентация всех отраслей правоведения? По-видимому, нет. Взаимосвязанная другими, ранее отмеченными чертами, она, надо полагать, — в какой-то мере продукт социального заказа административно-командной системы, заинтересованной не в развитии глубоких фундаментальных исследований в области права, а в создании видимости подлинной науки, в наукообразном шумовом эффекте, который проще всего достигается путем преимущественной ориентации на игру абстрактных понятий и конструкций.

Наконец, черта, связанная с нравственно-деловой обстановкой в науке. Отсутствие общепризнанных, подлинно научных ценностей, возможность дискриминирующей идеологической оценки тех или иных положений, легкость бессодержательного абстрагирования — все это, как и другие отмеченные черты, привело в ряде случаев к установлению неблагоприятной нравственно-деловой обстановки в научных коллективах, во взаимоотношениях между учеными. Такая обстановка, когда господствует стремление не к взаимопониманию, уважительности и терпимости, а к «победе» над коллегой, самовозвеличиванию, признанию правым только себя, групповщине, дискредитации своих оппонентов, приклеиванию им идеологических ярлыков, не способствует нормальному климату в науке. Подобная атмосфера становится тем более жесткой и деструктивной, чем ближе сугубо теоретические взгляды затрагивают интересы администраторов науки, их

постов, званий, продвижений по лестнице научной иерархии.

Не сгущены ли краски в приведенных оценках?

Что ж, собранные вместе, они и впрямь создают в какой-то мере несколько мрачную картину. Конечно, нужно держать в памяти и немалые достижения нашей науки — ее «революционный заряд в первом десятилетии молодой Республики Советов», самоотверженную работу ученых-правоведов над законопроектами, другими документами, многолетние усилия по утверждению достойного места права и демократии в нашей жизни, развернутые криминологические исследования, ряд крупных исследований — подлинных открытий в науке, да и просто подвижническую работу ряда ученых-правоведов. Все это — и гордость, и капитал, и надежда, и залог перспективного будущего науки.

Но сказанное ранее о негативных чертах, по убеждению автора этих строк, — правда. И как бы она ни была горька, ее не нужно подслащать. Когда болен организм, не время думать о том, где и когда он был хорош, следует вскрыть все истоки болезни, определить верный курс лечения, чтобы весь организм заработал энергично и эффективно, так, как он может по своим потенциям и как того требует эпоха перестройки. Итак, что же делать?

Ничуть не претендуя на окончательность и бесспорность предлагаемых решений, остановлюсь на тех, которые, думается, выражают отечественный и мировой опыт и рассчитаны на реальные возможности советского правоведения (опять-таки в основном с позиций общей теории права).

Прежде всего советская юридическая наука, утверждая свой статус действительной науки, призвана стать концептуально устремленной, одухотворенной идеями великих революционных преобразований отраслью знаний. Сейчас для этого ситуация уникальная. И не только потому, что перестроечное время открыло простор для поисковых работ, научного риска, но еще и потому, что курс на создание правового государства требует от нас глубокого пересмотра сложившихся в условиях административно-командной системы представлений о праве, выработки таких научных положений, в соответствии с которыми было бы осуществлено коренное преобразование всей советской правовой системы. Не «заговорить» бы идею правового государства, превратив ее в очередную идеологию, — а такая опасность есть! Перед советскими юристами стоит поистине грандиозная задача — выработать необходимые теоретические предпосылки для формирования такой правовой системы, которая была бы способна обеспечить функционирование социалистического

правового государства, в центре которой был бы человек, его права и интересы, где существовала бы надежная и легко реализуемая система гарантий прав и свобод, торжествовал бы Закон, независимый от ведомственных актов. Когда еще, в какое время перед советскими юристами реально и полномасштабно стояла столь гражданская задача?!

Советское правоведение, далее, в целом и во всех своих подразделениях призвано стать деловой наукой. Как и медицина (недаром их довольно часто ставят на одну плоскость), оно должно быть устремлено на то, чтобы служить делу — давать разработки, научные данные и рекомендации, нужные практическим органам: законодательным, хозяйственным, судебным — всем, кто в своей деятельности соприкасается с законом, правом. Сразу же напрашивается вопрос: это — что? Сплошная эмпирика? Ведь и сейчас многие юридические научные учреждения завалены заданиями и поручениями, и нередко научные работники день за днем выполняют рутинную чиновничью работу — где же наука? В том-то и суть вопроса, что деловая целеустремленность науки означает не втягивание ее представителей в аппаратную работу, а развитие на основе отработанных общетеоретических концепций аналитической юриспруденции, правовой социологии, инструментальной и поведенчески-психологической теорий. Эти теории в соответствии с законами и данными науки создавали бы с опережением, впрок научный капитал; блоки, схемы, разработки высокого научного и прикладного класса. Именно они могли бы передаваться при наличии потребности (а там, где это возможно, — продаваться) потребителю. Представители юридической науки должны стать обладателями знаний и навыков передового научно-практического уровня, имеющих на рынке деловых отношений значительную цену. И одним из свидетелей такой деловой целеустремленности нашей науки в будущем может стать фигура научного консультанта по правовым вопросам, приглашаемого по контракту или иному правовому основанию для выполнения высококвалифицированной консультативной работы в государственных органах, хозяйственные фирмы, кооперативные объединения.

Другое предложение касается того уникального научного богатства, которым обладает советская юридическая наука. После того как будет устойчиво определена ее деловая направленность (не ранее), она опять-таки в соответствии с новым концептуальным видением действительности в состоянии резко вырваться вперед, в том числе и на мировом уровне, обогатив свое деловое содержание нравственно-гуманистическими ценностями социализма, с одной стороны,

передовыми инструментальными идеями — с другой. Если методики и опыт эмпирического порядка в ряде западноевропейских стран и США в исследовании политико-правовых явлений имеют существенные достижения, то отсутствие при этом достаточной духовно-этической определенности, ориентированность на индивидуально-эгоистические критерии придает им ограниченный характер. Обогащение же делового содержания правовой науки диалектико-материалистической методологией, подлинными идеалами и ценностями социализма способно придать советским правовым исследованиям общечеловеческую нравственно-гуманистическую определенность. Большие потенциальные резервы содержит советская юридическая наука в разработке совершенного юридического инструментария. Преодолев узкий горизонт юридической догматики и схоластики и развив на основе передовых философских знаний специально-юридические разработки, советская юридическая наука способна осуществить высокозначимые исследования, которые позволят существенно обогатить механизмы и средства юридического регулирования и притом так, что соответствующий юридический инструментарий будет сориентирован на нравственно-гуманистические критерии. Кстати, не следует ли нам обратить повышенное внимание на то позитивное, что достигнуто русской правовой мыслью конца прошлого и начала нынешнего века (решительно отсекая, разумеется, то, что носит реакционный, антиреволюционный характер)? Многие разработки той поры обогнали время, превзошли западноевропейский уровень, а главное — выразили нравственные и гуманистические традиции передовой русской философии. Аналогичные достижения есть в государственно-правовой мысли прошлого украинской, грузинской и других наций нашей страны.

Настоятельное требование настоящего времени — взрывное развитие науки гражданского права. По ряду причин в последние десятилетия она сдала свои былые ведущие позиции. Вряд ли эту ситуацию можно признать нормальной. И потому, что ныне в условиях экономической реформы реальные хозяйственные процессы, их активизация буквально на каждом шагу требуют отработанного гражданско-правового регулирования, и не в меньшей степени потому, что сфера гражданского права — один из главных источников и средоточие совершенной правовой культуры через опосредующие звенья дает толчок к развитию правового содержания других отраслей науки как цивилистического, так и публично-правового профиля.

Еще один момент. Преодолевая силу сложившихся недобрых нравов, укоренившихся личных

симпатий и антипатий, наш святой долг – не пожалеть сил на утверждение в советской науке добрых, поистине человеческих, нравственно чистых деловых отношений. Скажу откровенно, в этих заметках я старательно избегал формулировок, которые связали бы те или иные негативные характеристики и оценки с каким-либо автором. Мы усугубили бы неблагоприятную ситуацию в науке, если бы стали копаться в сложном

прошлом, мучиться вопросом, кто больше, а кто меньше виноват. Сейчас для всех ученых с избытком хватает позитивной, творческой работы. И, бережно сохраняя все достижения прошлого, важно консолидировать наши силы для решения проблем кардинальной правовой реформы, осуществления грандиозной для мира социализма программы – создания социалистического правового государства.

Сведения об авторе

АЛЕКСЕЕВ Сергей Сергеевич – член-корреспондент Академии наук СССР и Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР

Authors' information

ALEKSEEV Sergey S. – Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences, Laureate of the USSR State Prize